

ДЕНЕЖНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОСНОВНОЙ «ПРЕДМЕТНЫЙ МИР» ПОСТКЕЙНСИАНСКОЙ ТЕОРИИ

И.В. РОЗМАЙНСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент
Филиал Государственного университета Высшей школы экономики
Санкт-Петербург

Многими в научном мире (как российском, так и зарубежном) посткейнсианская теория¹ воспринимается просто как одна из ветвей кейнсианского подхода к макроэкономическому анализу, в частности, как школа, дающая особую трактовку роли совокупного спроса и специфическое обоснование дискреционной макроэкономической политики. В данной статье мы попытаемся показать, что посткейнсианская теория – нечто более фундаментальное. Это теория, которая вполне может стать жизнеспособной альтернативой неоклассической парадигме². Одним из оснований в поддержку такого утверждения является факт наличия у этой теории своего специфического «предметного мира», о котором и пойдет речь в настоящей статье.

1. Понятие неопределенности

Ключевое понятие в посткейнсианской традиции – неопределенность (точно так же, как, например, у неoinституционалистов – транзакционные издержки, а в неоэволюционной теории – зависимость от предшествующей траектории развития [path dependence]). Именно акцент на неопределенности будущего отделяет посткейнсианство не только, скажем, от неоклассического или неoinституционального подходов, но и от различных ветвей кейнсианского «древа».

Вообще говоря, *неопределенность* будущего означает, что мы не можем предсказать будущие результаты нашего выбора даже при помощи вероятностных распределений, поскольку у нас нет научной основы для вычисления соответствующих вероятностей. По этому поводу Дж. М. Кейнс писал следующее: «... под «неопределенным» знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительно степени неопределенной. ... Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 года. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем³. Мы не знаем ни количества возможных исходов, ни вероятностей наступления каждого из них.

В этом плане неопределенность отличается от *риска*, при котором будущее можно описать при помощи вероятностных распределений, поскольку известны и количества

¹ Иногда это течение называют «монетарным (пост)кейнсианством», подробнее о значении термина «посткейнсианства» и специфике нашей трактовки указанного термина см. [11].

² Особенно если синтезировать ее с лучшими достижениями традиционных институционалистов, см. [8].

³ [3, с. 284]. Впервые идея о разграничении между неопределенностью и риском была выдвинута Фрэнком Найтом еще в 1921 году в его знаменитой книге «Риск, неопределенность и прибыль» [28] Из этих рассуждений можно прийти к выводу о невозможности оптимизации в условиях неопределенности. См. [10].

исходов, и вероятности наступления каждого из них. Здесь сразу следует оговориться, что в неоклассической традиции различие между риском и неопределенностью игнорируется, и эти термины обычно используются в качестве синонимов, как, например, в теории ожидаемой полезности. Естественно, посткейнсианцы ни в коем случае не могут согласиться с таким смешением понятием, которое сразу же уничтожает уникальность их подхода.

При этом неопределенность будущего, в свою очередь, бывает двух типов; первый тип – *фундаментальная неопределенность* [*fundamental uncertainty*]. Второй – *неясность* [*ambiguity*] [22]. При неясности будущее неопределенно, но познаваемо. Иными словами, неясность представляет собой ту форму неопределенности, которую исследовали, например, представители австрийской школы. Каждый в отдельности хозяйствующий субъект, в том числе и государство, почти ничего не знает о знаниях, предпочтениях и ожиданиях прочих хозяйствующих субъектов. Но рынок в целом собирает всю эту информацию воедино и генерирует верные решения. Поэтому государство никогда не сможет прийти к таким же «хорошим» результатам, к которым приходит рынок. Но, в принципе, информацию, которую собирает и обрабатывает рыночная система, заполучить можно, просто ценой экстремально высоких издержек.

Фундаментальная неопределенность означает не только отсутствие знаний о будущем, но и его *непознаваемость*. Эта непознаваемость связана с тем, что значительная часть нужной информации *еще не создана*. Таким образом, между настоящим и будущим (а также прошлым) возникают фундаментальные *онтологические* различия, и в этом – одно из базовых отличий посткейнсианства от неоклассического подхода (см. [2; 3; 6; 11; 13; 16; 18; 19; 20; 21; 22; 38; 39]).

Согласно неоклассикам, экономическая среда характеризуется *эргодичностью*. Этот термин означает, что в такой среде прошлое, настоящее и будущее могут быть описаны одной и той же функцией вероятностных распределений⁴. По сути, время сводится к пространству, в том смысле, что возможны движения из одного состояния времени (места пространства) в другое в любых направлениях. Отсюда следует, в частности, что, во-первых, прошлое не сковывает людей тяжкими оковами необратимости. Во-вторых, люди могут предсказывать будущее, либо достоверно, либо используя методы теории вероятности.

Ясно, что для посткейнсианцев такой подход неприемлем. Они полагают, что будущее радикально отличается от настоящего и прошлого, а движение во времени возможно только в одном направлении. Иными словами, посткейнсианцы исходят из *принципа исторического времени*, согласно которому *прошлое необратимо, а будущее неопределенно*. Именно в историческом времени движется экономическая среда, характеризующаяся неэргодичностью, т. е. онтологическими различиями между прошлым, настоящим и будущим.

Таким образом, неопределенность – это характеристика неэргодичной экономической среды. Следует отметить, что не всякая экономическая система неэргодична и, соответственно, не всякая экономическая система характеризуется неопределенностью. Посткейнсианцев интересуют только «предметный мир», неотъемлемым свойством которого является неопределенность. Здесь сразу же можно легко увидеть, что «предметный мир» посткейнсианства уже, чем, например, у неоклассиков. Однако эта узость является скорее плюсом, чем минусом. Чтобы в этом глубже разобраться, необходимо выяснить *причины* появления и доминирования неопределенности в экономической среде. Почему одним экономическим системам неопределенность присуща, а другим нет?

2. Понятие сложной экономической системы

В самом общем плане можно сказать, что неопределенность представляет собой продукт развития – экономического, технологического, социального. И далее мы постараемся детально разъяснить этот тезис. Неопределенность представляет собой проблему «сложной (экономической) системы», «сложного общества». Под «сложностью» мы имеем

⁴ Об этом, в частности, неоднократно писал П. Дэвидсон [18; 19; 20].

в виду два аспекта. Во-первых, применение в производстве активов длительного пользования, вследствие чего производственная и вообще хозяйственная деятельность оказывается «растянутой» во времени. Как писал Дж. М. Кейнс: «Именно из-за существования оборудования с длительным сроком службы в области экономики будущее связано с настоящим» [2, с. 210]. Во-вторых, высокую степень специализации людей и, соответственно, большую глубину разделения труда, вследствие чего люди оказываются тесно взаимосвязанными между собой. Именно совокупность этих двух свойств и представляет собой фундаментальную характеристику *сложной экономической системы*.

Даже поверхностный экскурс в такие дисциплины, как экономическая история или сравнительный анализ экономических систем показывает, что далеко не все существовавшие за историю человечества экономические системы можно назвать «сложными». Если использовать марксистскую и околomarксистскую терминологию, то первобытнообщинный строй, азиатский способ производства, экономика античного рабства, западноевропейский феодализм будут представлять собой примеры «несложных», примитивных систем (здесь и далее под примитивной экономической системой мы будем понимать систему, в которой отсутствует хотя бы одно из двух вышеописанных свойств). Если же использовать терминологию из неоклассических учебников по экономике, то примером примитивной системы будет «традиционная экономика». В общем, оба свойства, превращающих экономическую систему в «сложную», являются продуктом экономического, социального и технологического развития.

Рассмотрим первое свойство – применение в производстве активов длительного пользования. Здесь подразумеваются, в первую очередь, различные элементы машинного оборудования. Ясно, что существование машинного производства – признак развитости, причем не только технологической (что само собой разумеется). Ведь внедрение машин в производственную деятельность возможно только при определенных социальных институтах.

Примерно то же самое можно сказать и о втором свойстве. Большая глубина разделения труда достигается только тогда, когда навыки людей в определенных областях достигают определенных уровней технического совершенства, и, при этом, когда соответствующие социальные институты обеспечивают их специализацию. Разделение труда, как и машинное производство, возможно лишь при определенных институтах.

Крайне важен тот аспект, что *любая сложная экономическая система сталкивается с необходимостью координации хозяйственной деятельности в условиях необратимости прошлого и неопределенности будущего*. При этом такая проблема присуща только сложной системе. В хозяйстве, в котором степень разделения труда низка, и каждый производит только для себя, *не существует неизбежной экономической взаимосвязанности между людьми, и проблемы координации вообще не возникает* (исключение из этого правила рассматривается в сноске 9). В хозяйстве, в котором производство не требует времени, но глубина разделения труда велика, проблема координации возникает, но решается приблизительно так, как описывается в вальрасианских моделях общего равновесия. Ведь в экономике без активов длительного пользования хозяйственная деятельность не приобретает временного измерения и, соответственно, проблем необратимости прошлого и неопределенности будущего не существует. Поэтому нащупывание [tatonnement]⁵ равновесного вектора относительных цен, удовлетворяющего всех агентов, не влечет за собой издержек (по крайней мере, таких, которые могли бы иметь место в реальной жизни современного мира).

Именно подобные разновидности «товарообменного хозяйства» или, как писал Дж. М. Кейнс [27], *экономики реального обмена* [Real Exchange Economy], являются «предметным миром» неоклассической теории. Один из основных пунктов посткейнсианской критики в адрес неоклассической теории заключается в том, что эта теория

5 Термин, введенный Л. Вальрасом для описания поиска равновесного вектора цен мифическим координатором рынков – Аукционщиком.

уподобляет экономику современных развитых стран примитивным хозяйственным системам. Иными словами, неоклассический подход осуждается посткейнсианцами за непонимание фундаментальных различий между примитивными и сложными экономическими системами. Ведь, как уже было сказано выше, только в сложной системе возникает необходимость координации хозяйственной деятельности в условиях необратимости прошлого и неопределенности будущего. Данное обстоятельство требует фундаментального институционального выбора, определяющего, как люди решают проблему неопределенности. Здесь мы сталкиваемся с посткейнсианским подходом к сравнительному анализу экономических систем. По словам С. Руссиса: «То, как мы справляемся с неопределенностью [cope with uncertainty], определяет систему, при которой мы живем» [37, р. 17]. Иными словами, «предметный мир» посткейнсианства – то, как люди «справляются с неопределенностью» в сложных экономических системах. При этом различные «сложные общества» сформировали разные институты для того, чтобы «справляться с неопределенностью». Те институты, которые были сформированы «на Западе», образовали особую разновидность сложной системы, которая является *основным* «предметным миром» посткейнсианства. Речь идет о денежной экономике.

3. Понятие денежной экономики

Понятие денежной экономики [Monetary Economy] предложил Дж. М. Кейнс в одной из своих статей, опубликованных до издания его «Общей теории занятости, процента и денег»⁶. В такой экономике, как он отмечал, «... деньги играют свою особую самостоятельную роль, они влияют на мотивы поведения, на принимаемые решения... и потому невозможно предвидеть ход событий ни на короткий, ни на продолжительный срок, если не понимать того, что будет происходить с деньгами на протяжении рассматриваемого периода» [27, р. 408]. Денежная экономика, по Дж. М. Кейнсу, является метафорой современных экономических систем западных стран и, при этом, функционирует совершенно не так, как экономика реального обмена. К сожалению, ни Дж. М. Кейнс, ни его последователи не ставили вопрос о происхождении денежной экономики.

Мы полагаем, что денежная экономика возникает вследствие определенного институционального выбора, совершаемого тогда, когда экономическая система становится сложной. Иными словами, *денежная экономика – это продукт институционального развития сложной экономической системы*.

Важнейший институт денежной экономики – *форвардные контракты*. Контракты обеспечивают определенные гарантии, касающиеся будущих материальных и денежных потоков. Как отмечал С. Руссис: «они [контракты] являются формой контроля над заработной платой и ценами, который конвертирует неопределенность в относительную определенность, не средством вероятностного анализа, ...но достигая во времени... гарантирования будущих цен и издержек» [37, р. 23]. Согласно Я. Кригелю, «... как природа не терпит пустоты, так и экономическая система не терпит неопределенности. Она реагирует на отсутствие информации, которую рынок не в состоянии обеспечить, созданием институтов, уменьшающих степень неопределенности: контрактов о заработной плате, контрактов на ссуды, соглашений о поставках, торговых соглашений»⁷. Таким образом, контракты – способ снижения степени неопределенности будущего. Иными словами, форвардные контракты как бы упорядочивают хозяйственную деятельность, имеющую временную протяженность.

Для того чтобы система форвардных контрактов функционировала бесперебойно, необходим другой институт – *деньги*. Деньги в посткейнсианской традиции понимаются

⁶ Речь идет о статье, изданной в 1933 году на немецком языке, и впервые перепечатанной на английском языке в начале 1960-х годов под названием «A Monetary Theory of Production». Ее можно найти в тринадцатом томе собрания сочинений Дж. М. Кейнса [27].

⁷ [29, р. 46]. См. также [14].

как *средство соизмерения контрактных обязательства и как средство их выполнения*. Таким образом, деньги в денежной экономике представляют собой не просто «средство обращения» или «всеобщий эквивалент», а, как отмечал Дж. М. Кейнс в своем «Трактате о деньгах», «... то, чем выплачиваются долговые и ценовые контракты [debt and price contracts] и в чем удерживается запас общей покупательной способности» [26, р. 3]. По меткому замечанию Ф. Карвальо, в денежной экономике контракты – грамматика, а деньги – язык [17, р. 102]. При этом сама денежная экономика понимается как «экономика, основанная на системе форвардных контрактов» [17, р. 102]. Мы вернемся к этому утверждению чуть ниже.

Еще один институт, без которого не мыслимо существование денежной экономики – *государство как орган, выполняющий функцию защиты форвардных контрактов*. Главная функция государства, по мнению посткейнсианцев, состоит вовсе не в устранении негативных экстерналий, не в борьбе с монополиями, и даже не в дискреционной макроэкономической политике, а в том, что оно обеспечивает принуждение к выполнению [enforcement] контрактных обязательств. Неспособность или нежелание государства выполнять эту функцию – то, что было когда-то названо нами *институциональной неадекватностью государства* [4], – резко увеличивает степень неопределенности будущего и ставит под угрозу само существование денежной экономики. Ведь институциональная неадекватность государства подрывает доверие к контрактам, вследствие чего большинство людей будет избегать их заключать. Соответственно, будет разрушаться сама основа денежной экономики – система форвардных контрактов!

Итак, денежная экономика – это сложная экономическая система, которая базируется на использовании форвардных контрактов, урегулируемых посредством использования денег как актива длительного пользования и защищаемых государством. *Именно институциональный выбор форвардных контрактов* в качестве основного способа упорядочения и координации хозяйственной деятельности (вместе с деньгами и государством как институтов, «обслуживающих» функционирование системы контрактов) *создает денежную экономику*.

В связи с этим тезисом необходимо отметить следующее. Если государство не выполняет свою функцию «защитника контрактов» [enforcement], будучи «институционально неадекватным», или если деньги по каким-либо причинам не могут использоваться для урегулирования контрактных обязательств, то результатом будет резкое повышение степени неопределенности будущего вместе с крайне неблагоприятными макроэкономическими последствиями. При этом такую экономическую систему нельзя называть «денежной экономикой», поскольку она не основана на использовании форвардных контрактов (они не будут использоваться, если нет актива, который мог бы их «погашать», и нет органа, который бы обеспечивал принуждение к их выполнению). Возможно, самый напрашивающийся пример – экономика России 1990-х годов (см. [7; 9; 12], а также сноску 8).

Из всего этого следует, что денежная экономика и экономика, использующая деньги, – не одно и то же! Хозяйство, в котором деньги выполняют лишь функцию мимолетного посредника при заключении сделок и не являются активом длительного пользования, не может считаться денежной экономикой. Подробнее об этом речь пойдет в следующем разделе.

4. «Сравнительный анализ терминологии»: денежная экономика, рыночная экономика, капитализм

Обычно посткейнсианцы предпочитают использовать термин «денежная экономика» вместо термина «рыночная экономика». Это связано с тем, что второй из этих терминов имеет более широкий смысл. Иными словами, любая денежная экономика является

рыночной, но не всякая рыночная экономика является денежной⁸. Именно «неденежные» рыночные экономики, по сути, исследуются в многочисленных неоклассических моделях. Речь идет как раз о том, что, как уже упоминалось, Дж. М. Кейнс называл «экономикой реального обмена». Такая экономика не обязательно является бартерной. Она может использовать деньги, как было сказано чуть выше, в качестве мимолетного посредника при заключении сделок. Для того чтобы деньги были полноценным средством накопления и, следовательно, «привлекательным» активом длительного пользования, необходим факт их применения для урегулирования каких-либо долгосрочных отношений между хозяйствующими субъектами. Именно этот факт и наблюдается в развитых странах Запада, что позволяет считать экономики указанных стран денежными. Денежная экономика – это слепок с основных технологических и институциональных характеристик таких стран. В такой экономике хозяйственная деятельность предполагает разнообразные «проекты» – производственные, инвестиционные, финансовые и т. д. – занимающие большой промежуток времени (вспомним о применении в производстве активов длительного пользования) и требующие участия большого количества людей, обладающих разными навыками (вспомним о большой глубине разделения труда). Отсюда вышерассмотренная необходимость в контрактах, деньгах, государстве. Но не всякая рыночная экономика основана на вовлечении *большого* числа людей с *разными* навыками в *разнообразные* и *долгосрочные* проекты⁹. Если та или иная рыночная система не предполагает подобного вовлечения, то она не будет денежной, даже если в ней используются деньги при совершении обменных операций. Повторим еще раз, именно такие рыночные, но «неденежные», экономики, исследовались и исследуются неоклассиками. Поэтому не удивительно, что нередко у самых известных представителей неоклассического подхода встречаются поразительные высказывания о незначительности денег.

По мнению И. Фишера, внесшего значительный вклад в неоклассический подход к теории денег (ему, как известно, приписывается авторство формулы уравнения обмена), «деньги никогда не приносят других выгод, кроме создания удобств для обмена» [15, с. 9]. Известный оппонент Дж. М. Кейнса Д. Робертсон отмечал, что «деньги не представляют собой жизненно важной темы, как приходится иногда слышать... Для исследователя необходимо с самого начала прорвать денежную вуаль, которая окутывает большинство деловых операций, и посмотреть, что происходит в сфере обращения реальных товаров и услуг...» [35, р. 1]. Особенно показательно в этом плане высказывание М. Фридмана, лидера монетаризма: «Несмотря на то, что в существующей хозяйственной системе предпринимательская деятельность и деньги играют важную роль, и несмотря на то, что их существование порождает многочисленные и сложные проблемы, основные методы, с помощью которых рынок обеспечивает координацию в рамках всего хозяйства, полностью проявляются в экономике, в которой господствует натуральный обмен и в которой отсутствуют предпринимательская деятельность и деньги» [25, р. 14]. Как уже, наверное, ясно, для посткейнсианцев такая позиция не приемлема. Здесь мы можем видеть, возможно, основное отличие посткейнсианского

⁸ То, что говорится здесь и далее, вряд ли можно отнести к постсоветской экономике России, которую, как нам представляется, вряд ли в полной мере можно считать как рыночной, так и (в посткейнсианском смысле) «денежной». Мы неоднократно высказывали точку зрения [9; 12], согласно которой в России на протяжении последних лет формируется семейно-клановый капитализм (см. также последний раздел данной статьи).

⁹ Кстати говоря, экономические системы «азиатского способа производства» (или, если использовать близкий виттфогелевский термин, «гидравлические общества»), представляют собой пример вовлечения большого числа людей с приблизительно одинаковыми навыками в долгосрочные проекты, которые, грубо говоря, не отличаются разнообразием. Необходимость подобных объединений хозяйствующих субъектов диктуется природно-географическими и/или климатическими и/или геополитическими факторами, порождающими взаимосвязанность людей. В таких системах (с низкой степенью разделения труда) для решения проблемы координации институты типа контрактов и денег не нужны и, возможно, даже бесполезны, в отличие от «сильной» государственной власти. К этому тезису нас подвели дискуссии с А. С. Скоробогатовым, который придает большое значение зависимости «характера» институтов от географических (в широком смысле этого слова) факторов.

подхода к экономическому анализу от неоклассического. Прimitивная экономическая система, характеризующаяся эргодичностью, функционирует иначе, чем сложная экономическая система, отличающаяся неэргодичностью, несмотря на наличие в обеих системах рыночной координации. Такова позиция представителей посткейнсианской школы.

Термин «капитализм» употребляется посткейнсианцами чаще, хотя, как правило, они не дают ему четкого определения. Но общий «контекст» посткейнсианских рассуждений [36, р. 165 – 167; 37, р. 22 – 24] указывает на то, что *капитализм предполагает частную собственность на производственные активы длительного пользования и прибыльность ведения хозяйственной деятельности как ее ведущий мотив*. Можно сказать и так: капитализм – это экономическая система, основанная на том, что активы длительного пользования приносят доход. Такие определения в принципе не противостоят вышеприведенному анализу денежной экономики. Точнее говоря, посткейнсианские трактовки капитализма и денежной экономики – это взаимодополняющие описания экономической системы определенного типа. Мы имеем в виду следующее. С одной стороны, частная собственность на производственные активы длительного пользования и их употребление в целях получения прибыли, сигнализирующей о социальной значимости того или иного «хозяйственного проекта», требуют применения форвардных контрактов, денег и «институциональной» роли государства (как защитника контрактов). С другой стороны, долгосрочные контракты и деньги как средство их урегулирования не нужны, если нет частной собственности на производственные активы длительного пользования, а прибыль не играет стимулирующей, финансовой и координирующей роли в хозяйстве. Поэтому можно утверждать, что *денежная экономика – это экономическая система рыночного капитализма, если термин «капитализм» понимается в вышеописанном смысле*

Здесь сразу нужно подчеркнуть: когда при определении капитализма речь идет о частной собственности, подразумевается *собственность именно на производственные активы длительного пользования, а не просто на средства производства*. Если производственная деятельность не растянута во времени, то наличие частной собственности на средства производства еще не дает оснований для разговоров о капитализме. Именно сочетание частной собственности на средства производства и технологической развитости приводит к возникновению капиталистической системы хозяйствования.

5. Основные проблемы денежной экономики

Как уже отмечалось, использование контрактов, денег и государства снижает степень неопределенности будущего в сложной экономической системе. Однако неопределенность полностью не устраняется. Это обстоятельство и связанные с ним попытки хозяйствующих субъектов снизить степень неопределенности порождают серьезные проблемы, с которыми сталкивается денежная экономика, и которые исследуются посткейнсианской традицией¹⁰.

Прежде всего, необходимо отметить, что степень уверенности в ожиданиях хозяйствующих субъектов денежной экономики, равно как и степень неопределенности, с которой они сталкиваются, может меняться в зависимости от разнообразных экономических, социальных, институциональных и технологических изменений. Падение степени уверенности или рост неопределенности приводят к росту спроса на такие активы длительного пользования, которые позволяют хозяйствующим субъектам как бы «чувствовать себя в большей безопасности». Такая «безопасность» обеспечивается в том случае, если люди имеют в своем распоряжении активы, позволяющие выполнять взятые на себя контрактные обязательства. Вот почему, по Дж. М. Кейнсу, «обладание

¹⁰ Мы здесь не претендуем здесь на всю полноту охвата исследовательских проблем, интересующих посткейнсианцев, и выделяем лишь самые основные из них. Мы не рассматриваем, например, теории потребительского поведения, фирм, рынка труда, индивидуального поведения, модели ценообразования. См. [10; 11; 16; 23; 24; 30].

реальными деньгами снижает уровень нашего беспокойства» [3, с. 286]. Короче говоря, повышение степени неопределенности будущего или рост неуверенности порождает спрос на деньги.

Но такое увеличение спроса на деньги не влечет за собой расширения производства и занятости. Вообще говоря, «деньги нельзя производить по желанию» [2, с. 301]. Но этот тезис Дж. М. Кейнса адекватен лишь для ситуации, при которой коммерческие банки не могут свободно выдавать кредиты, тем самым создавая деньги. Однако даже когда они могут это делать, увеличение предложения денег не приводит к росту занятости и не создает реальный ВВП (хотя бы по причине их нулевой трудоемкости) [11].

С другой стороны, рост неопределенности и неуверенности сокращает вложения в производственные активы длительного пользования вследствие их неликвидности и длительного срока окупаемости. Естественно, вследствие этого, падают уровни производства и занятости. Таким образом, изменения в структуре выбора активов длительного пользования, связанные с ростом предпочтения непродовственных и ликвидных активов производственным и неликвидным активом, порождают кризис. *Иными словами, денежная экономика внутренне подвержена кризисам, вынужденной безработице, циклам и в целом макроэкономической нестабильности.* Именно поэтому посткейнсианцы вслед за Дж. М. Кейнсом тщательно исследуют различные аспекты «нестабильности при капитализме»¹¹ и выступают в поддержку дискреционной макроэкономической политики¹².

Другой спектр проблем возникает в связи с тем, что хозяйствующие субъекты пытаются снизить неопределенность, с которой они сталкиваются, приобретая контроль над важнейшими экономическими переменными, с которыми они, так сказать, «имеют дело». К этой «категории», в частности, относится контроль частных фирм над ценами. Он необходим для обеспечения надежных источников финансирования инвестиций [16; 23; 24]. Еще один аспект – контроль коммерческих банков над денежной массой (т. е. независимость от регулирующих мероприятий Центрального банка), достигаемый через стратегии управления пассивами, кредитные линии и прочие продукты финансовых инноваций [11]. Эндогенность денег, которая оказывается результатом таких действий коммерческих банков, является одним из самых популярных аспектов «предметного мира» посткейнсианства [11; 17; 31]. Снижение степени неопределенности может осуществляться также «через вертикальную и горизонтальную интеграцию, конгломератные слияния, дифференциацию продукта и другие способы накопления экономической власти» [37, р. 22]. Однако эти аспекты в целом пока еще ждут своих исследователей в рамках посткейнсианства. В этом плане представители данной традиции могли бы, вероятно, многому научиться у традиционных институционалистов, частности, у Дж. К. Гэлбрейта [1]. В любом случае, представляется важным тезис С. Руссиса о том, что приобретение рыночной власти представляет собой важнейший инструмент снижения неопределенности, наряду с использованием системы форвардных контрактов¹³. Таким образом, *денежная экономика в той или иной степени обречена на несовершенство рыночных структур*, на доминирование в тех или иных отраслях крупных компаний, добившихся более значительных успехов по сравнению со своими конкурентами в плане снижения степени неопределенности. Не удивителен, поэтому, акцент посткейнсианцев на неравновесности рыночных процессов [16, р. 118]. Кроме того, в условиях эндогенности денежной массы и борьбы разных групп хозяйствующих субъектов за свою долю в ВВП, рассматриваемая экономическая система обречена еще и на *инфляцию, обусловленную конфликтами* [11; 32, ch.11].

¹¹ Возможно, самая глубокая работа в этой области была написана Х. Ф. Мински [31].

¹² При этом такую политику можно трактовать как специфический институт, снижающий неопределенность будущего, см. [14].

¹³ [37, р. 24 – 25]. Еще один важный способ снижения неопределенности – формирование конвенциональных ожиданий, см. [5; 14].

Ну и естественно, что нет никаких оснований ожидать, что в долгосрочной перспективе денежная экономика будет генерировать быстрый и устойчивый рост. В частности, для того, чтобы такая «успешная» динамика имела место, необходима готовность людей постоянно вкладывать средства в производственные активы длительного пользования, обеспечивающие увеличение реального ВВП. Как мы уже утверждали выше, в кризисные ситуации люди склонны к отказу от вложений в производственные активы длительного пользования из-за того, что, в частности, подобные активы характеризуются большим сроком окупаемости. Иными словами, хозяйствующие субъекты при высокой степени неопределенности избегают активов, которые могут приносить доход лишь в очень далеком будущем. Это может служить очень серьезным препятствием для роста. Поэтому для обеспечения устойчивых темпов экономического роста необходимо такое же устойчивое увеличение совокупного спроса [11; 33; 34]. *Нестабильность изменений совокупного спроса, которая связана, в первую очередь, с изменчивостью инвестиций вследствие изменений в степени неуверенности и неопределенности, порождает нестабильность роста в денежной экономике.*

6. Вместо заключения: денежная экономика и другие сложные экономические системы

Как уже было отмечено, денежная экономика – это основной «предметный мир» посткейнсианства. Основной, но не единственный. Как опять-таки подчеркивалось выше, в целом посткейнсианцев интересует то, как люди «справляются с неопределенностью» в сложных экономических системах. «Создание» денежной экономики через формирование системы форвардных контрактов и других сопутствующих институтов, – не единственный способ снижения степени неопределенности. В качестве других примеров можно привести такие экономические системы, как «плановый социализм» (советского типа), «рыночный социализм» (югославского типа), «плановый капитализм» (немецко-фашистского типа), или различные варианты «семейно-кланового капитализма», которые можно наблюдать во многих государствах Латинской Америки, и, по всей видимости, в некоторых странах, прежде бывших участниками «социалистического блока» [9; 12]. Однако в этих областях посткейнсианство делает лишь первые шаги. Какими будут вторые и последующие шаги, покажет будущее. Так или иначе, экспансия посткейнсианства в указанные области будет представлять собой следствие расширения «предметного мира», интересующего приверженцев данного направления. Мы же лишь хотели продемонстрировать, что уже существующий «предметный мир» посткейнсианства охватывает самые важные решения, которые принимают люди, живущие в условиях сложной экономической системы, т. е. в технологически, институционально и экономически развитом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.
2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.
3. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // В кн. Истоки. Вып. 3. Изд-во ГУ – ВШЭ, 1998.
4. Малкина М.Ю., Розмаинский И. В. Основы институционального подхода к анализу роли государства // В кн. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.
5. Розмаинский И.В. «Конвенциональная теория ожиданий»: вызов теории рациональных ожиданий // Вестник СПбГУ. Сер. 5 (Экон.). 1996. № 2(12).
6. Розмаинский И.В. Концепция делового цикла в посткейнсианстве: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 1998.

7. Розмаинский И.В. Соотношение между денежной и бартерной экономикой: институционалисты и посткейнсианцы против неоклассиков // В кн. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.
8. Розмаинский И.В. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 3.
9. Розмаинский И.В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Том 2. № 1.
10. Розмаинский И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 1.
11. Розмаинский И.В. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты // Вопросы экономики. 2006. № 5.
12. Розмаинский И.В. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // Вопросы экономики. 2006. № 9.
13. Скоробогатов А.С. Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2002.
14. Скоробогатов А.С. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: институционально-посткейнсианский анализ // Вопросы экономики. 2006. № 8.
15. Фишер И. Покупательная сила денег. М., 1926.
16. Arestis P. Post-Keynesian Economics: Towards Coherence // Cambridge Journal of Economics. 1996. Vol. 20. № 1.
17. Carvalho F.J.C. Mr. Keynes and post keynesians. Principles of macroeconomics for a monetary production economy. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
18. Davidson P. A Post-keynesian view of theories and causes for high real interest rates // Post-Keynesian Monetary Economics: New Approaches to Financial Modelling / Ed. by P. Arestis. Aldershot: Edward Elgar, 1988.
19. Davidson P. Post keynesian macroeconomic theory. London: Edward Elgar, 1994.
20. Davidson P. Reality and economic theory // Journal of Post Keynesian Economics. 1996. Vol. 18. № 4.
21. Dequech D. Asset choice, liquidity preference and rationality under uncertainty // Journal of Economic Issues. 2000. Vol. 34. № 1.
22. Dequech D. Fundamental uncertainty and ambiguity // Eastern Economic Journal. 2000. Vol. 26. № 1.
23. Eichner A.S. A theory of the determination of the mark-up under oligopoly // Economic Journal. 1973. Vol. 83.
24. Eichner A.S., Kregel J.A. An essay on post-keynesian theory: A new paradigm in economics // Journal of Economic Literature. 1975. Vol. XIII. № 4.
25. Friedman M. Capitalism and freedom. Chicago: Chicago University Press, 1962.
26. Keynes J.M. A treatise on money. Vol. I. The pure theory of money. London: Macmillan, 1930.
27. Keynes J.M. A monetary theory of production // The collected writings of John Maynard Keynes. Vol. XIII / Ed. by Moggridge D. London: Macmillan, 1973.
28. Knight F.H. Risk, uncertainty and profit. Chicago: Chicago University Press, 1985.
29. Kregel J.A. Markets and institutions as features of a capitalistic production process // Journal of Post Keynesian Economics. 1980. Vol. 3. № 1.
30. Lavoie M. Foundations of post-keynesian economic analysis. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
31. Minsky H.P. Stabilizing an unstable economy. New Haven: Yale University Press, 1986.

32. *Palley T.I.* Post keynesian economics: debt, distribution and the macroeconomy. London: Macmillan, 1996.
33. *Palley T.I.* Aggregate demand in a reconstruction of growth theory: The macro foundations of economic growth // *Review of Political Economy*. 1996. Vol. 8.
34. *Palley T.I.* Growth theory in a keynesian mode: Some keynesian foundations for new endogenous growth theory // *Journal of Post Keynesian Economics*. 1996. Vol. 19. № 1.
35. *Robertson D.* Money. London: Macmillan, 1922.
36. *Rogers C.* Money, interest and capital. A study in the foundations of monetary theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
37. *Rousseas S.* Post keynesian monetary economics. London: Macmillan, 1998.
38. *Shackle G.L.S.* Expectations and employment // *Economic Journal*. 1939. Vol. 49.
39. *Shackle G.L.S.* Keynesian kaleidics. The evolution of a general political economy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1974.